

фическаго очерка; извѣстны были только главные даты его біографіи, его гражданская и военная служба. Новѣйшему біографу пришлось собирать жизнеописаніе Батюшкова по отрывочнымъ подробностямъ изъ семейныхъ преданій, изъ остатковъ переписки, изъ официального формуляра, изъ немногихъ отрывковъ дневника, изъ сочиненій; весьма немногое дали біографическія показанія лицъ, которыя нѣкогда были друзьями поэта. Виѣшняя біографія была, правда, не очень сложная: жизнь дома въ дѣтствѣ, въ деревенской помѣщичьей обстановкѣ; обученіе въ французскомъ пансіонѣ; родственныя связи съ М. Н. Муравьевымъ, которыя помогли его сближенію съ литературными кругами; поступленіе въ военную службу и два похода въ 1807 и 1809 г.; жизнь въ деревнѣ, вынуждаемая необходимостью; пребываніе въ Москвѣ въ 1811 и 1812 году; новое вступленіе въ военную службу, участіе въ походѣ въ Германію и во Францію, и, наконецъ, служба при посольствѣ въ Неаполѣ, въ теченіе которой обнаружили признаки нервнаго расстройства, дошедшаго въ два-три года до степени буйнаго сумасшествія. Болѣе интересны, конечно, факты внутренняго развитія, и для ихъ объясненія осталось, къ сожалѣнію, мало ясныхъ и точныхъ данныхъ. Авторъ біографіи, приложенной къ настоящему изданію, старался собрать отрывочныя подробности, которыя освѣтили бы эту сторону вопроса, старался сколько возможно характеризовать обстановку, въ которой проходила виѣшняя и внутренняя жизнь Батюшкова, и выяснитъ содержаніе его идей, но, при всей старательности его работы, недостаточность источниковъ тѣмъ не менѣе даетъ себя чувствовать.

Въ самомъ дѣлѣ, остается неясной, напримѣръ, пора перваго школьнаго образованія, полученнаго Батюшковымъ во французскихъ пансіонахъ.

Онъ овладѣлъ здѣсь, по обычаю времени, французскимъ языкомъ, читалъ уже и по-нѣмецки. Въ письмѣ, писанномъ къ отцу изъ пансіона, Батюшковъ (ему было тогда 14 лѣтъ) проситъ прислать ему книгъ—ему нуженъ Ломоносовъ и Сумароковъ, сочиненія Мерсье, „Кандидъ“ Вольтера, изъ нѣмцевъ Геллертъ; но кто руководилъ его литературными вкусами и въ какомъ смыслѣ—неизвѣстно. Ему было уже, кажется, лѣтъ 15, когда сталъ оказывать на него вліяніе извѣстный Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, который приходился ему родственникомъ. Муравьевъ (умершій уже въ первые годы царствованія Александра I-го) былъ человѣкъ старыхъ литературныхъ вкусовъ, но достаточно образованный, чтобы не раздѣлять узкихъ взглядовъ тогдашняго